

Архитектура тысячелетиями не служила потреблению; выполняемые ею «функции» были, скорее, номинальны: преобладала не функция, но миссия. Миссия организации загробной жизни. То, что все культуры видели в погребении путь к вечной и блаженной жизни, мало способствовало счастью живых, получаемому от архитектуры. Вопрос об организации счастья очень «молод» в архитектуре. И до сих пор он вызывает больше вопросов, нежели готовых ответов. Однако вопрос этот вскрывает такие пласты архитектурного сознания и традиции, которые трудно или невозможно раскрыть иначе.

Ключевые слова: архитектурное счастье; суррогаты счастья в архитектуре; психологизм; онтологические истоки счастья; желание; традиционализм и прогрессизм в архитектуре. /

Architecture has not served consumption for millennia; the “functions” it fulfilled were rather nominal: it was not the function but the mission that prevailed. A mission to organize the afterlife. The fact that all cultures considered burial as a way to eternal and blissful life contributed little to the happiness of the living derived from architecture. The problem of organizing happiness is very “young” in architecture. And it still raises more questions than ready answers. However, this problem uncovers the layers of architectural consciousness and tradition which are difficult or impossible to uncover otherwise.

Keywords: architectural happiness; surrogates of happiness in architecture; psychologism; ontological sources of happiness; desire; traditionalism and progressism in architecture.

«Счастье – дело техники»? / “Is happiness mere technique”?

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет

Татьяна Задворянская

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Tatyana Zadvoryanskaya

Voronezh State Technical University

Счастье: первое приближение

С античных времен счастье опознается как желанная цель развития, как то состояние, которое способно быть условным «концом эпохи», завершать собою череду усилий и порывов, страданий и жертв. Такая эсхатологическая концепция счастья с известными трансформациями вошла в мировые религии; следы ее сильны и сегодня.

С греческой античности начинается и традиция эвдемонизма – философского, а затем и [около] научного изучения счастья. Этот рефлексивный и исследовательский шаг важен: им открывается традиция рассмотрения счастья как объекта изучения, по необходимости отстраненного. Связанный с таким шагом парадокс ощущим и в наше время: счастье переживается лично, эмпатически, в полноте присутствия и погружения, а изучается и описывается отчужденно и объективировано. Но таковы, увы, все наши описания и объективации.

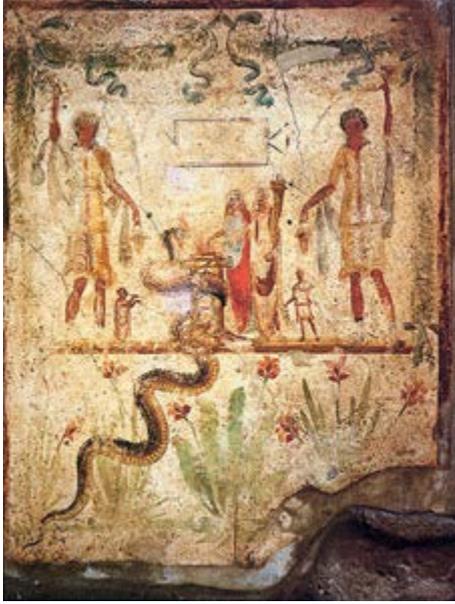
За века эволюции эвдемонические представления освободились от крайностей, в т. ч. от гедонизма, от отождествления счастья с плотским удовольствием, от натурализма Запада и от абстракционизма Востока. Эвдемонизм получил и жесткую критику, прежде всего – от И. Канта, противопоставившего стремлению к счастью исполнению морального долга.

С архитектурой у счастья отношения не сложились с самого начала. От Витрувия до Леду счастье в архитектуре практически не обсуждается. Правда, К.-Н. Леду упоминает счастье в посвящении своего трактата русскому царю Александру Первому: «Вы хотите улучшить общественный порядок, который поможет людям обрести счастье». Но это, видимо, лишь конъюнктурный реверанс в стиле эпохи.

Счастье – эффект, далекий от средств архитектуры, по крайней мере, от средств ее прямого действия. Как психологический эффект или как психический аффект счастье в норме – не предмет архитектуры. Именно сбивка нормы, к которой мы еще вернемся, и стала следствием засилья психологизма – с Пьера Абельяра и особенно – с XIX столетия. Психологизм – широкая традиция философской и гуманитарной мысли, сводящая объяснения явлений мира и их логических реконструкций к психике, с чем боролся Эдмунд Гуссерль,

утверждавший, что психическое лишь заслоняет собою феномены. Для осознания феноменов необходимо, прежде всего, избавиться от вмененных образов, знаний, соблазнов сознания. Архитектура же старается уже более сотни лет целенаправленно подстроиться под парадигму психологизма, не в состоянии отказаться от бесконечного проговаривания всего вмененного, от ассоциаций и аллюзий, от цитат и отсылок к великим авторитетам. «Восприятие» стало культом для архитекторов, а Н. А. Ладовский со своим парком вхутемасовских оптических приборов – его избранным жрецом [1], впрочем, наряду с другими. Нормой архитектуроведческого анализа стал поиск «похожестей» – от скрытых заимствований до пресловутого «влияния», по совокупности найденных фактов которого устанавливается качество авторской мысли. Разумеется, архитектура переполнена отсылками (прежде всего – к самой себе), ее дискурс есть вечная интерпретация не столь уж большого набора мотивов (происхождение которых покрыто мраком); однако теперь у нее, вроде бы, есть проектный метод...

В конце концов, много ли счастья обращается в архитектуре издревле, от культов загробного мира и властных деспотий? Содержат ли в себе архитектурные формы и мотивы компоненты хоть чье-то пережитого счастья – не как исторического воспоминания или литературного следа, но как воспроизводимой реальности? Цена рассуждений о психологии, о восприятии, о воздействии архитектурой на умы, равно как и цена несмолкаемых разговоров об ее, архитектуры, «выразительности», рискует оказаться непомерно высокой. Морфология архитектуры не оправдывает подобных ожиданий, а излюбленные способы обсуждать весь «букет» психологических представлений лишь анестезируют критическое самосознание, переводят креативные интенции на рельсы привычных разговоров и текстов. И вот счастье в таких условиях становится едва ли не единственным триггером радикальной проблематизации архитектурного психологизма, поскольку, в отличие от эмоциональных состояний более мелкого «калибра» (радость, душевный подъем, воодушевление, угнетение чувств, скорбь, подавленность, ужас, на необходимости которого в архитектуре настаивал Н. В. Гоголь, et cetera), без особого труда обеспечи-

^ Рис. 1. Фреска из святилища в доме в Помпеях показывает подношение Агафосу, доброжелательному демону, который появляется в виде змея у алтаря в саду. I век н. э.

^ Рис. 2. Кадр из мультфильма «В зоопарке ремонт». 1987. СССР. Сантехник не то, чтобы знает больше, но судит о счастье смелее, чем архитектор

ваемых архитектурой, счастье именно феномен: оно есть или его нет. Никакие разговоры или композиционные построения его не заменят. В столкновении с проблематикой счастья архитектурной мысли уже не отделаться психологическими индульгенциями; приходится говорить о сущностном, об онтологическом, о бытийствующем. Говорить о феномене. О наличии его в недрах архитектурного опыта, а также о перспективах его проектного «захвата».

Желание есть мир

Всякое желание – интенция восполнения отсутствующего. Тема счастья до сих пор фатально связана с темой желаний, пусть бы это было «удовлетворение желаний», «отказ от желаний» или «отсутствие желаний». В контексте нашего интереса счастье или абсолютное блаженство – это состояние, в котором отсутствует любая неудовлетворенность ума и любые желания, а сознание пребывает в экстатическом состоянии. Следовательно, желание чего-либо означает неудовлетворенность в настоящем моменте, некоторое несчастье, в отношении которого исполнение, удовлетворение и само счастье находятся в будущем. При этом не стоит заблуждаться относительно объекта желаний. Было бы неверно разделять желания на мирские и духовные. Если говорить о том, что состояние абсолютной удовлетворенности есть результат некой духовной трансформации, то сам факт желания (даже если это желание освобождения от желаний) является мирским, потому что «желание и есть мир» (Раджниш Бхагван Шри).

«Страдание и волнение являются следствием желания и связанного с ним «эго» и может быть прекращено разрушением иллюзии «эго» [2]. Удовлетворение желаний приносит нам кратковременное ощущение счастья или его подобия. Можно предположить, что отказ от желаний, продиктованный стремлением к обретению высшего счастья, скорее, принесет некий элемент страдания и снова поставит счастье в категорию пока не достижимого будущего. Однако нельзя отрицать несомненную пользу от аскезы или самодисциплины, направленной на путь развития добродетелей.

В восточной традиции наблюдение за природой желаний и их динамикой предлагается как средство, способное избавить от их тотальной власти над человеком. Созерцательный подход предлагается и буддистами, и христианами, и приверженцами нью-эйджа. «Входите в каждое желание со снисходительностью, позвольте каждому желанию привести вас к страданию. Тогда однажды, внезапно, вы повзрослеете, вы созреете: вы осознаете, что каждое желание есть страдание» (Раджниш Бхагван Шри).

Желание является причиной возникновения мироздания и круговорота бытия. В нем ключи счастья и страдания. Желание – это волшебная машина, которая может увести нас прочь от истинного счастья, а может привезти к нему.

Движение желания в архитектуре и на рынке недвижимости – одна из базовых сил, если не самая главная. Кажется, значительно более осмысленным в архитектуре и ее теории был бы не т. н. «функционализм» – концепция удовлетворения потребностей – прямолинейный и натуралистический продукт «рационализма» (со всеми известными сегодня, после Ж. Бодрийера и других критиков, лукавством и двусмысленностью), а концепция игры в поле желаний: подготовка, провоцирование и гарантирование осуществления их. Не сказать, что такая технология была бы путем к счастью (скорее – очередной манипулятивной технологией), но в ней, теоретико-методологически выстроенной и методически оснащенной, появился бы шанс на посильное приближение к техникам достижения счастья, – шанс, который никогда не появится в функционализме.

Изгнание убожества

Блистательному К.-Н. Леду принадлежат такие слова: «Нет на земле человека, который не нуждался бы в помощи архитектора; это он изгоняет убожество. Талантливый человек из камня и глины может создать сотню жилищ, пленительных своим разнообразием. Подумайте только, чем вы ему обязаны: он вызывает у вас радостные чувства, рассеивает мрачные мысли, привлекает ваш взор к возвышенному. Он ограждает страждущее человечество от бед, которые его осаждают. Соперник бога, создавше-

^ Рис. 3. Группа «Суперстудио». Италия. Психоделический и технотронный ландшафт грядущего счастья как оно виделось передовыми проектировщиками в 1960-е годы в Европе

^ Рис. 4. Фердинандо Галли да Бибиена. Театральная декорация. Пространства барочного гедонизма не гарантировали счастье всякому, в них попадающему. В конце концов, входящий вполне мог стать жертвой изысканных истязаний в духе маркиза де Сада

го землю, он делает больше него: он ее обрабатывает, он равняет горы, пугающие слабых; он углубляет русла, чтобы ускорить течение рек; он оживляет пустыни. Возвышая этим человека, он распространяет полезные знания; он погружается в сокровища философии, погребенной под тяжестью варварского века, – истинное богатство, которое придаст новый блеск нашему достоянию, покроет человечество новой славой. Приобщая к этому богатству хижину и дворец, невежество и ученость, какие возможности ты готовишь для нас...» (цитата по журналу L'Architecture d'aujourd'hui; несколько иной перевод [3, с. 157]).

Слова, нет сомнений, вдохновенные. Они вызывают восторг и гордость за традиции деятельности. Однако изгнание убожества еще не означает достижения счастья. Скорее, здесь перед нами одна из «классических» редуций проблематики счастья в архитектуре, а именно – одна из вариаций небезызвестной формулы: «Следование норме есть отсутствие несчастья».

«Счастье – дело техники», – вещает в одном советском мультфильме персонаж из коммунальных служб («В зоопарке ремонт», 1987). При всей расхожей популярности фразы, она все же больше говорит об отсутствии несчастья, которое может быть отождествлено со счастьем лишь на краткий миг освобождения от первого. Ведь несчастье не онтологично, т. е. не присутствует в бытии, не составляет его сущности [не входит в состав бытия]; оно есть лишь следствие несовершенства, ошибки, сбой нормы – это старая мудрость Востока. Архитектура же несравнимо лучше умеет обеспечивать отсутствие несчастья, нежели присутствие счастья (или присутствия во счастье). К архитектуре достаточно долго относили требование не быть источником несчастий, поскольку она де-факто им становилась. «Архитекторы, в силу своей способности нанести ущерб, обязаны научиться открытому мышлению (Architects, because they can do harm, must learn to be open-minded)», – провозгласила замечательная Дениз Скотт-Браун [4]. А если уж не open-minded, то остается просто следовать предписанным нормам со всеми издержками [5]. Вся без исключения нормативная база «архитектурного проектирования» опирается на эту именно максиму.

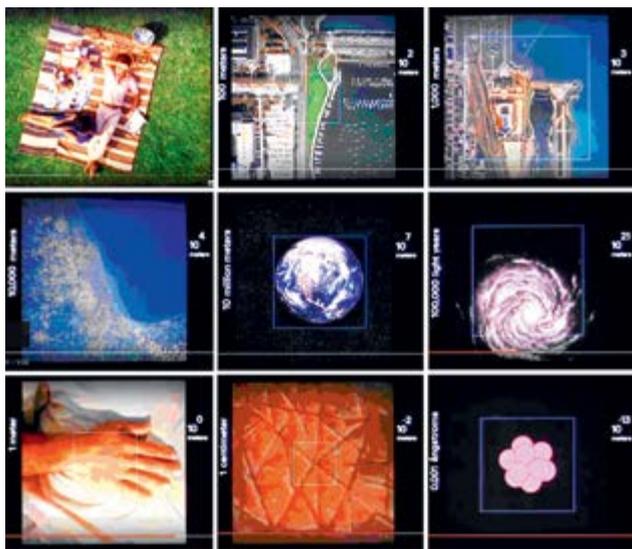
Демон счастья

Эвдемон (Евдемон, Eudaemon, εὐδαίμων) – божество (гений, демон) греческой мифологии, считавшийся добрым духом, в отличие от Какодемона, злого демона, его противника. Его имя указывает на добро и счастье; одержимые этим демоном, следовательно, становятся счастливы. Духу счастья, имевшему несколько «местных» имен, приносились жертвы; так «добрым демоном, которому поклонялись, [был] Агафодемон, в честь которого было посвящено первое возлияние богу Дионису» [6]. Дионисийские культы, решительно важные для античных архитекторов, тем самым изначально центрировались на категории счастья. Но счастье тогда было мало похоже на нынешние представления о нем.

Главный урок из мифологической или «демонической» истории осмысления счастья – признание его принадлежности внешним властным силам. По происхождению, по природе древнее счастье было суверенно, жило своей жизнью, имеющей не очень много дел с человеком.

Урок не был усвоен веком рационализма и прогресса, поместившим счастье внутрь человека, а затем посвятившим себя поискам способов извлечь его оттуда, «расшевелить», актуализировать. «Счастье, по-видимому, всецело оживляется и поглощается чувством» [7, с. 250]. «Счастлив тот, кто сумел разбить цепи всех своих предрассудков; только такой человек может испытать наслаждение во всей его чистоте», – писал Ж. О. Ламетри (1709–1751) [8, с. 175]. Расшевелить можно все более и более сильными аттракторами. Просвещение – самая суть европейской культуры – отождествило счастье и наслаждение, в т. ч. (и это самое важное) – наслаждение за счет других. Тем самым «счастье» оказалось достижимо на пути отрицания «предрассудков культуры», за счет освобождения от религиозных, нравственных, социальных и прочих сдержек: счастье ставится в пару к категории свободы со всеми ее латентными, как секрет Полишинеля, коннотациями. Архитектура послушно движется за трендами эпохи: форсирует чувственность. Барокко прячет в своих складах немало насилия и садизма. Это ли путь к подлинному счастью?

В качестве имманентной способности потенциальное человеческое счастье, принятое за истину и цель,

^ Рис. 5. Дизайн-студия Чарльза и Рей Имсов. Кадры из фильма «Powers of Ten». 1977. Человеческое счастье, если оно и случается, занимает исчезающе малый интервал на шкале космических масштабов – от макромира до микромира. Но, когда оно случается, оно подчиняет себе космос

^ Рис. 6. Конвейер сладостей. Электронная игра

заставляет архитектуру вступать с ним в резонанс, то есть постоянно заниматься настройкой своих эманаций. Но, если демон был один на всех, то сидящий во глубине человеческой психики чертенок всякий раз индивидуален, он капризничает, норovit не оценить усилий по «организации окружения»... Архитектура в целом, в норме не может (пока еще?) позволить себе требуемые здесь тонкие и персонифицированные настройки. Но, похоже, она к тому идет. По крайней мере, рост популярности психологизма (то есть, повторим, объяснительных моделей, сдвигающих любой вопрос из онтологии в психологию, если не в физиологию мозга) толкает архитектуру в компанию прочих «хищных вещей века» (А. Н. и Б. Н. Стругацкие) – манипулятивных технологий, обходящих стороной всякую рефлексивность и всякое самосознание.

Есть опасение, что пресловутая «выразительность» и прочая, отнюдь не только визуальная, возгонка чувственности, приведет архитектуру скорее к утрате ценностных, сущностных горизонтов, нежели к обретению искомой инструментальности. Последняя, судя по всему, неизбежно будет отходить к специальному оборудованию, при помощи которого будет достижима интенсивная обработка всех без исключения органов чувств человека, а также к дизайнам разного рода. Что останется собственно архитектуре? И стоит ли ей бросаться в омут психологического инструментализма? Ведь архитектура издревле «работает» не на персональную психику конкретного «иван-ивановича», но на всеобщий феномен.

Город как эвдемонический сервис

Какое отношение город имеет к счастью? Общество потребления низводит счастье до формы продукта, товара, который можно получить за определенную плату. В этом контексте современный город уже можно представить как эвдемонический сервис, со всеми присущими мас-совому сервису коннотациями суррогата. Горожанину в качестве продукта счастья предлагается все: образ жизни, комфортное жилье, места досуга, возможности для общения, образования, развития, смена социальных ролей, концентраты новых эмоций за счет всевозможных

перформансов. «Движение вместе с желаниями» – девиз современного города.

Счастье как кратковременная эмоция становится доступным, популярным товаром. Вместе с тем, чем более доступными становятся те или иные блага цивилизации, тем более изысканных форм счастья требуют горожане, культивируя погоню за счастьем как образ жизни. Экспансия желаний, успешность и социальный статус как маркер счастья давно стали повседневностью. Но счастлив ли современный человек? Может, он счастлив более, чем 100, 200, 500 лет назад? Имея так много, пользуясь достижениями прогресса, ежедневно покупая все больше и больше удовольствий, человек по-прежнему страдает и ищет успокоения душе. Больше желаний и больше страданий дает человеку современный город. «В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет», – горько иронизировали И. Ильф и Е. Петров [9]. Одиночество в толпе, социальная дистанция, депрессии, эмоциональное выгорание – все это оборотная сторона коммодификации «счастья» – эвдемонического сервиса.

Однако происходит и обратный процесс, который, пожалуй, связан с рефлексией желаний, попыткой погрузиться в их природу. Так, доступное, быстрое и поверхностное общение приводит к осознанию ценности настоящей близости, дружбы и семьи. Социальная изоляция и одиночество, особенно проявившие себя в период пандемии, дают возможность понять, насколько важен для нас социальный опыт, общение, возможности дискурса, перспективы смены социальных ролей. Доступность информации, гипермедийность жизненного пространства [10] позволяют осознать ценность искренности, истины и неприкосновенность личного пространства. Архитектура же в таких условиях все больше проявляет тягу к театрализации повседневной городской жизни [11].

Так, многократный, с переменным успехом осуществленный опыт преобразования городских пространств в соответствии с самыми современными запросами обывателей, с рефлексией этого опыта (при условии ее достаточной честности), позволяет прийти к пониманию: атмосфера городского пространства, степень любви

< Рис. 7. Провинция Цзянсу, Китай. Коммунальный «рай», т. е. образ хорошо налаженного и технически обеспеченного бытования, достаточно давно стал едва ли не синонимом типового ада, если он оказывается лишен чего-то «слишком человеческого» – неумовимого содержания, формализации которого, при всей их погрешности, свидетельствуют о случайном гораздо более, чем о закономерном; о прихотливом – больше, чем о необходимом; об избыточном, но не о нормативно обязательном

> Рис. 8. Ле Корбюзье. Город на три миллиона жителей. 1922. Вменение счастья как единственная стратегия модернистской проектности. «Некий парадокс заключался в том, что Ле Корбюзье создавал свои умозрительные модели современного города, когда Альфред Вебер и другие пионеры социологии уже заложили фундамент знания о функционировании города как сложного социального организма, связанного с промышленным производством, но ни в коем случае не сводимого к нуждам индустрии. Архитекторы делили город на зоны, когда уже зарождалось знание о целом» [17, с. 23]

горожан к месту, как правило, не зависят от так называемых критериев «качества городской среды» и вложеного в их реализацию бюджета. Нечто подлинное про сам город и счастье в нем, возможно, находится совсем в другой плоскости.

Таким образом, лишь накопление опыта ошибок, разочарований и рефлексии достигнутых желаний и потребленных удовольствий приводят к пересмотру внутренних ориентиров, ценностных установок, подталкивая к поиску того, что действительно является счастьем. Современный город подобен фабрике сладостей Вили Вонка, где человеку предлагается множество удовольствий, чтобы он, наконец, понял, что именно для него самое важное. Счастье, видимо, достижимо человеком лишь апофатически – за счет отказа от того, чем оно не является.

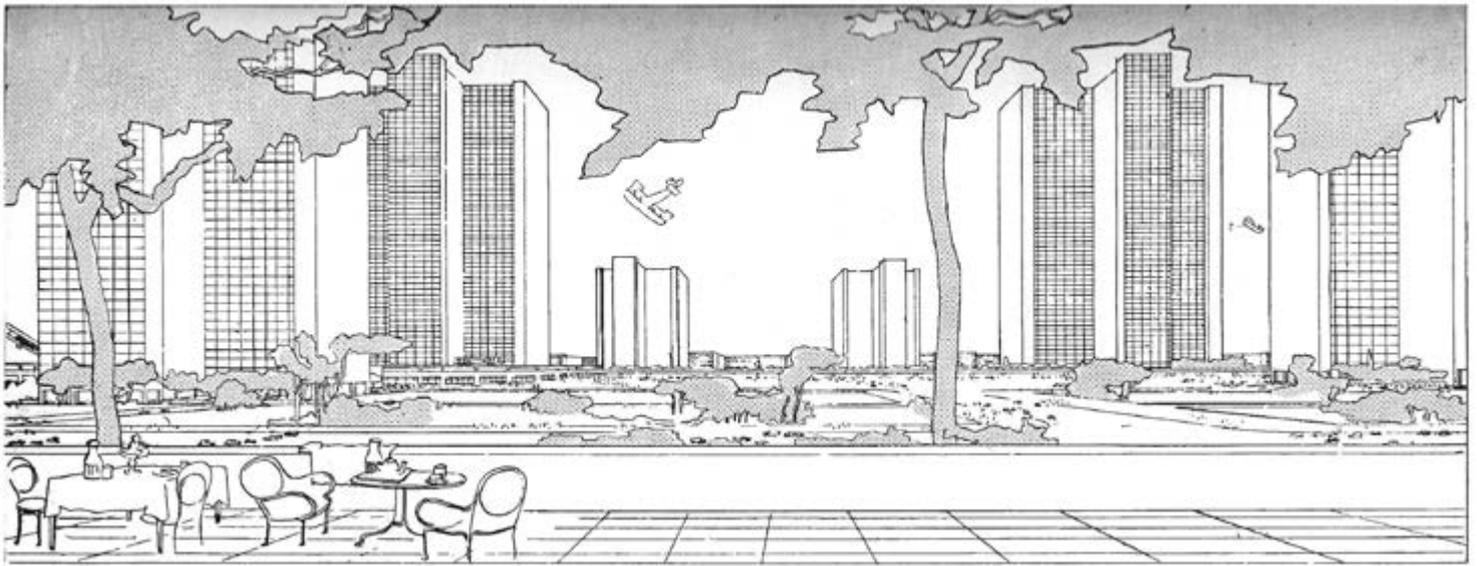
Сухие источники

Архитектура, как мы знаем, была первой и долго единственной практикой постижения мира, она имела доступ к причинам и следствиям всего. Древнее счастье архитектуры, видимо, было связано с эффектом эмерджентности: оно возникает внезапно и не сводится к сумме составных частей целого. Оно – часть, которая больше целого. Архитектура стала «матерью всех наук и искусств», раставивших синкретическое знание по предметным «полочкам», а счастье при этом... выпорхнуло, как Синяя птица. Как содержание оно не попало и не могло попасть ни в одно из искусств, ни в одну из наук. Архитектура с тех пор пребывает в поисках своего утраченного Золотого века, но, не имея возможности вернуться к синкретическому, она форсирует синтетические качества: ничто в мире так не стремится к «синтезу всего со всем» (Р. Б. Фуллер), как это делает архитектура. Однако тяжесть идейной нагрузки, взятая на себя архитектурой, не позволяет ей поспевать за молодыми и претенциозными дисциплинами. Для того, чтобы продолжать участвовать в гонке прогресса, архитектура XX века (модернистская) пошла на радикальную модернизацию своего тела – на протезирование и имплантацию «наукой и техникой», на тотальную редукцию своей исторической миссии [12].

То ли в силу инертности исполнительных систем, то ли из-за сложного, гетерогенного состава систем знаний и умений вот уже более ста лет наши архитектурские представления, в т. ч. воплощенные в форме проектов, планов и методик, всякий раз оказываются архаичной в отношении представлений из практик и наук, гораздо более динамичных. Так произошло с корбюзийскими (Афинская хартия) идеями, которые разделяли то, что современная им социология уже уверенно соединяла; так случилось с планировочными принципами равномерного обеспечения благами, не выдерживающими критики современной им математики (Кр. Александер) et cetera. Мы гордо поднимаем флаг социальных и пространственных преобразований, кивая на их «научное обеспечение», а когда нам демонстрируют «белые нитки», которыми шито обеспечение, мы держимся за привычку, клановые авторитеты или за «художественный вкус» – ничто из этого не значит ровно ничего для тех, кого мы пытались осчастливить. Архитекторы и урбанисты слишком горделивы и далеки от смирения, чтобы приблизиться к счастью. Дионисийские архитекторы, несомненно, были ближе к подлинным источникам счастья, нежели прогрессисты с их вымышленным «Источником» [13].

Кстати, именно последний – один из до сих пор неуверенно бьющих фонтанов легкомысленного и выморочного представления о непосредственной фабрикации архитектурой счастья (а с ним и смысла), легко, на уровне физиологии, считаваемого всяким в меру чувствительным человеком. Такие фонтаны Козьма Прутков предлагал затыкать, хотя бы на время. Их коварство как раз в «незаметной» сбивке меры: так, критики выпрених писаний Алена де Боттона, автора книги «Архитектура счастья: как обустроить жизненное пространство» (Pantheon Books, 2006) [14], отмечают, что состояться изложенная в книге в качестве обыденной нормы сверхэмоциональная реакция на архитектуру может лишь благодаря «чрезмерной чувствительности к своему окружению», доходящей до гротеска. И, кажется, это – ключ к пониманию всей нашей темы.

Возгонка чувствительности стала для «звездных» архитекторов и их подражателей последних нескольких десятилетий едва ли не единственной и спасительной надеждой на сохранение сколь-либо значащих пози-

ций в социальной, политической и культурной жизни. Болезненная «чувствительность к окружению» пришла на смену своей противоположности – модернистскому культу безэмоционального потребления «функций». Но внутренний императив этих сходящихся «полюсов» один: архитектуре нечего сказать человеку. Нечего в том режиме, в котором она хотела бы что-то говорить, но который уже невнятен для публики. Внятный же режим утерян на пути эмоционального опустошения, видимо, окончательно.

Нам придется возвращаться к глубинным истокам и к подлинным источникам. Возвращаться к синтетической миссии архитектуры и к ее синкретическим тайнам. Живительные гуморы древнейшей практики и традиции не иссякли, они способны еще дарить чувство полноты бытия, свежесть открытий и счастье познания.

Энергия и организация

Решительное и бескомпромиссное отождествление проектной воли XX столетия со всем, так или иначе укладывающимся в вектор прогресса – с «рацио», с «будущим», с кажущимися перспективными планировочными моделями (а то и просто с урбанистическими визионерскими перспективами), с грядущими научными открытиями и инженерными изобретениями, с чаемыми биотехнологиями достижения состояния счастья *et cetera* – то есть отождествление со всем шлейфом социокультурного энтузиазма XX века, не имело бы шансов состояться без простой и кажущейся очевидной объединяющей все это силы – интенции исторической динамики, идейной «рамки» управления высокими энергиями. Эта «рамка» может сегодня представляться почти естественной, однако для ее становления были необходимы по меньшей мере два условия: наличие упомянутых высоких энергий и умение взять их под контроль. Исторически эти два условия совсем не очевидны, прийти к ним человечество смогло лишь после всплеска исторического оптимизма Нового времени, после череды последовательных самообманов, решительных действий и энергичных актов самоуспокоения, зализывающих раны от неудач осуществленных действий. Все упомянутое с переменным успехом замещало собою историческую рефлексию,

до которой дело так и не дошло (не считать же ею истмат, успешно превращенный в сухую догму!).

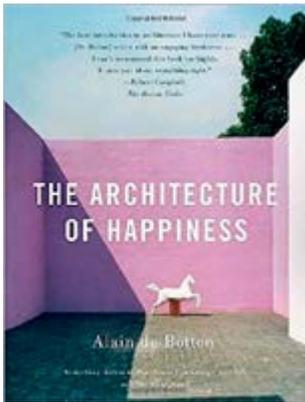
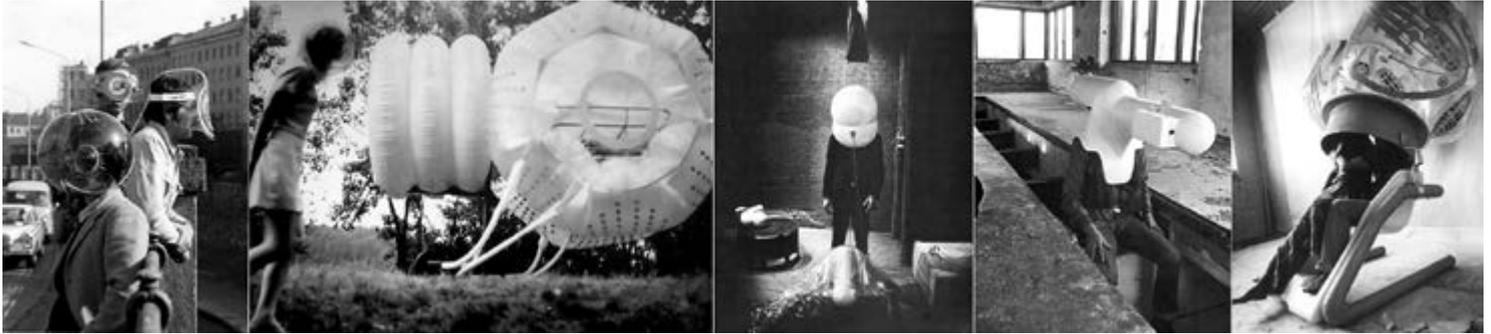
Энергии век черпал из собственного неустоения, из несчастья, из радикализма формул вроде «нечего терять, кроме своих цепей», удивительным образом совмещенных с провозглашенным утверждением опустошенного «негативного субъекта» под вымышленным именем «пролетариат» в качестве ведущей силы истории, а также и со ставкой на научно-технический прогресс, к которому сей субъект вообще не имеет никакого отношения. Впрочем, от страны к стране акценты менялись, но не очень существенно: стержнем оставалась упомянутая интенция исторической динамики по имени «прогресс», которая, как предполагалось, сама все вытянет из болот прошлого к сияющим высотам счастливого Завтра. Историческая (и, разумеется, перспективная во всех смыслах слова) модель вовремя поспела, равно как и ее натуралистические архитектурные визуализации – у О. Перре, Л. Гильберсаймера, Ле Корбюзье и других.

Собственно, модели урбанистического визионерства и служили едва ли не единственной формой оперативной организации разбуженных веком энергий. Вариации же их существенны: к ним можно отнести видения А. Шпера в берлинском ресторане Хорхера вечером 2 марта 1942 года, где он рассказывал друзьям-архитекторам, как собирается на основе архитектурских 3D моделей организовать расширенное производство вооружений в Германии после назначения на соответствующий пост. Его активность англичане, напомним, тут же признали началом «революции менеджеров» со всеми, увы, далеко идущими последствиями [15, с. 264 и др.].

Где тут счастье? Его нет здесь, но ведь разве не в подобных построениях XX век упорно искал ему некие научно-технические эрзацы? «Техника счастья» XX века почти исключительно свелась достижению высоких показателей эффективности функционирования, а чуть позже – к искусственному вызыванию эйфорических состояний посредством подключения проводов к оголенному мозгу – тоже ведь вариант решения проблемы.

Между тем, именно в этих мирах отчуждения и отсутствия родилась идея линейного прогресса, в которой принципиально стал возможен концепт «будущего», неизвестный векам предшествовавшей истории. Надо ли

в Рис. 10. Радикальный дизайн второй половины XX века уже не делал ставок на архитектуру в деле достижения счастья. Счастье стало там делом техники – технотронным, виртуальным возмездием «кубожества» повседневного окружения. Эта тенденция активна и в наши дни

^ Рис. 9. «Архитектура счастья была бы безобидным отбросом, если бы не его [автора] прозелитические амбиции (он породил мини-сериал PBS) и набор довольно коварных идей, замаскированных в его твиттер-прозе», – из отзывов о книге А. де Боттона

говорить, что именно он и поставил грезу о счастье в зависимости от достижения этого мистифицированного «будущего» – очередной отметки на шкале времен. Так что сегодня нам следовало бы различать подлинные интенции счастья и его телесный опыт в непосредственном переживании архитектуры от фикций исторического прогрессизма с его вечными обещаниями всеобщего счастья (а ведь проектность XX века, которой мы поневоле наследуем, выросла именно из этого прогрессизма и из свойственного ему исторического энтузиазма).

«Чем решительней проводится охота по усмирению колоссальной энергии, благодаря чему потребность человека в энергии должна быть удовлетворена по всей земле и на все времена, тем скуднее становится способность человека строить и жить в области сущностного», – предупреждал Мартин Хайдеггер [16, с. 66].

Век «прогресса» и его архитекторы, в частности, слишком много сил и времени затратили на «организацию» всевозможных пустот и фикций, как если бы из некоей универсальной и пластичной материи (или «энергии»? «пространства»? «гмази» из путешествий Йона Тихого у С. Лема?) можно было «слепить» что-то сущностное. Слишком долго мы уходили – изо всех сил, с предельным напряжением креативного воображения – от простых и ясных решений в мир модных замещений. Мы боялись и боимся обвинений в примитивизме и «натурализме», в результате вечно «говорим прозой» о том, что очень давно имеет свою поэзию и рафинированный язык, причем вполне «естественный». Лишь совсем недавно мы начали понимать, что вне сущностного не достичь полноты и подлинности, не испытать счастья.

Итоги

Счастье индифферентно архитектуре; оно вырастает, как правило, из иных причин, чем каким-то специфическим образом «организованное пространство». Счастье свободно от «кулис» своего развертывания, хотя и небезразлично к ним. Архитектура не гарантирует, но и не запрещает наличие счастья. В самом деле, разве Паноптикон И. Бенгата или «Тюрьмы» Дж. Б. Пиранези являют собою здания несчастья? Вряд ли: первый замышлялся в восторге света и разума, а последние лишь лукаво коннотируют страдания узников (почти невидимых),

но предназначены для просвещенного архитектурского восторга композицией и «пространством». В то же время, пути накоротко «выразить» счастье в архитектурных формах до сих пор неизбежно заканчиваются пошлостью и очередной порцией визуального мусора.

Счастье – индивидуально. Идеи массового осчастливления или типовой радости успели себя дискредитировать. Архитектура, ориентированная на дачу счастья, обязана, кажется, быть персоналистской, индивидуалистской, по крайней мере – снимать требование индивидуации. Упомянутое непросто, и отнюдь не только технически непросто. Счастье и его достижимость, разумеется, – один из существенных аргументов в сторону индивидуации [17]. Но, с другой стороны, индивидуация уже есть [само] достаточная цель сознательного управления трендами эволюции архитектуры (со всем привходящим, в т. ч. с пересмотром присущего ей проектирования et cetera). Достигать этой цели архитектуре придется еще долго; до счастья ли тут!

Счастье не требует архитекторов. Вопрос лишь в том, что могут архитекторы сделать для счастья (отдельного человека, групп, «общества»? И что мы, архитекторы, должны бы сделать с собой, что и как изменить (мышление, деятельность, методы et cetera) для того, чтобы обрести способность непосредственно иметь дело со счастьем и творить его? И надо ли нам это, памятуя о том, что всевозможные «сервисы счастья» быстро становятся его противоположностью? Все это очень разные вопросы, на которые пока нет ответов.

Литература

- Капустин, П. В. Альтернативы Ладовского // Искусствознание. – 2011. – № 1–2. – С. 321–347
- Лестер, Р. Ч. Буддизм: Путь к нирване // Религиозные традиции мира : В двух томах. / пер. А. Н. Ковалева. — Москва : КРОН-ПРЕСС, 1996. – Том 2. – С. 264–394. — 640 с.
- Леду, К. Н. Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству / под. общ. ред. А. А. Барабанова : В 2-х тт. – Екатеринбург : Архитектон-Канон, 2003. – Т. 1. – 592 с.
- Scott-Brown D. With people in mind // Journal of Architectural Education 35:1 1981. pp. 43–45
- Капустин, П. В. Проектирование и норма // Архитектурные исследования. Научный журнал. – 2022. – № 2 (30). – С. 4–11
- Евдемон (мифология). – URL: https://wiki5.ru/wiki/Eudaemon_

> Рис. 11. Дж. Б. Пиранези. Графический лист из цикла «Тюрьмы». 1740–1750 гг. Возможно ли счастье в столь мрачном и драматичном пространстве? Оно не запрещено, по меньшей мере – здесь очевидно счастье архитектора, изображающего это, и счастье сонма архитекторов, художников, коллекционеров, разглядывавших изображение за прошедшие века

(mythology) (дата обращения: 10.07.2022)

7. Ламетри, Ж. О. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье. – Москва : Мысль, 1983. – С. 241–295

8. Ламетри, Ж. О. Человек-машина. – Москва : Мысль, 1983. – С. 169–226

9. Ильф, И., Петров, Е. Записные книжки. – URL: <https://ajushka.livejournal.com/2803438.html> (дата обращения: 10.07.2022)

10. Задворянская, Т. И. Феномен глобального города: определение, характеристики, градообразующий процесс и градоформирующая среда // Архитектура и строительство России. – 2018. – № 3 (227). – С. 96–101

11. Капустин, П. В., Лесневская, Р. В. Стратегии театрализации в городском интерьере // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 52–58

12. Капустин, П. В. Век тотальной редукции // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 32–39

13. Рэнд, А. Источник. – Москва : Альпина Паблишерз, 2018. – 800 с.

14. де Боттон, А. Архитектура счастья. Как обустроить жизненное пространство : Серия «Архитектурная школа» / пер. с англ. П. М. Петров. – Москва : Классика-XXI, 2013. – 240 с.

15. Шлеер, А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 654 с.

16. Хайдеггер, М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 290 с.

17. Глазычев, В. Л. Урбанистика. – Москва : Издательство «Европа», 2008. – 326 с. – URL: http://www.glazychev.ru/books/urbanistika/Glaziychev_Urbanistika.pdf (дата обращения: 10.07.2022)

References

De Botton, A. (2013). The architecture of happiness. How to arrange a living space (P. M. Petrov, Trans.). In Architectural School series. Moscow: Classica-XXI.

Eudemon (mythology). Retrieved July 10, 2022, from [https://wiki5.ru/wiki/Eudaemon_\(mythology\)](https://wiki5.ru/wiki/Eudaemon_(mythology))

Glazychev, V. L. (2008). Urbanistika [Urbanism]. Moscow: Europe Publishing House. Retrieved July 7, 2022, from http://www.glazychev.ru/books/urbanistika/Glaziychev_Urbanistika.pdf

Heidegger, M. (2000). Polozhenie ob osnovanii. Statyi i fragment [The principle of ground. Articles and fragments]. St. Petersburg: Aletheia. Ilf, I., & Petrov, E. Zapisnye knizhki [Notebooks] (2018). Retrieved July 10, 2022, from <https://ajushka.livejournal.com/2803438.html>

Kapustin, P. V. (2011). Alternatives of Ladovsky. Art Studies Magazine, 1-2, 321-347.

Kapustin, P. (2019). A century of total reduction. Project Baikal, 16(59), 32-39. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1428>

Kapustin, P. V. (2022). Proektirovanie i norma [Design and norm]. Architectural Research. A scholarly journal, 2(30), 4-11.

Kapustin, P., & Lesnevskaya, R. (2018). Strategies of theatricalization in urban interior. Project Baikal, 15(56), 52-58. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1321>

La Mettrie, J. O. (1983a). Anti-Seneca, or a discourse on happiness. Moscow: Mysl.

La Mettrie, J. O. (1983b). Man a machine. Moscow: Mysl.

Ledoux, C. N. (2003). Architecture considered in relation to art, morals and legislation: In 2 vols. (A. A. Barabanov, Ed.) (Vol. 1). Ekaterinburg: Arkhitekton-Kanon.

Lester, R. C. (1996). Buddhism: The path to Nirvana (A. N. Koval, Trans.). In Religious Traditions of the World: In two volumes (Vol. 2, pp. 264-394). Moscow: KRON-PRESS.

Rand, A. (2018). The Fountainhead. Moscow: Alpina Publishers.

Scott-Brown, D. (1981). With people in mind. Journal of Architectural Education, 35:1, 43-45.

Speer, A. (2005). Inside the Third Reich. Memoirs of the Reich Minister of Armaments and War Production. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.

Zadvoryanskaya, T. I. (2018). Phenomenon of the global city: The definition, characteristics, urban-generative process and city-forming environment. Architecture and Construction of Russia, 3(227), 96-101.

в Рис. 12. До тех пор, пока мы не сможем распознать границы феномена счастья в архитектуре, на позиции «архитектуры счастья» будут претендовать подобные наивные и пошлые перлы (они же «архитектура будущего», они же «экоархитектура», «биоархитектура» et cetera)

